

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2012
XXI

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
791
EXPRESS-ISSUE

2012 № 791

СОДЕРЖАНИЕ

- 2121-2130 Димитру Николову Нанкинову – 70 лет!.
А. В. БАРДИН
- 2131-2137 О кормовом поведении кваквы
Nycticorax nycticorax. А. Г. РЕЗАНОВ
- 2137-2138 Случаи гнездования иволги *Oriolus oriolus*
и серой мухоловки *Muscicapa striata*
в Карагандинской области.
Е. А. СТЕПАНОВ
- 2138-2142 Депрессия численности коростеля *Crex crex*
в Казахстане. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 2143-2144 О гнездовании бекаса *Gallinago*
gallinago на Нижнем Дону.
В. С. ПЕТРОВ, В. А. НЕЧАЕВ
- 2144-2145 К изучению послегнездовых перемещений
у первогодков жёлтой трясогузки
Motacilla flava. А. И. КУКИШ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й   о р н и т о л о г и ч е с к и й   ж у р н а л
T h e   R u s s i a n   J o u r n a l   o f   O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e   X X I
E x p r e s s - i s s u e

2012 № 791

CONTENTS

- 2121-2130   Dimitr Nicolov Nankinov – 70 years!
A . V . B A R D I N
- 2131-2137   On feeding behaviour of the night heron
Nycticorax nycticorax. A . G . R E Z A N O V
- 2137-2138   Breeding records of the Eurasian golden oriole *Oriolus*
oriolus and the spotted flycatcher *Muscicapa striata*
in the Karaganda Oblast. E . A . S T E P A N O V
- 2138-2142   Depression of the corn crane *Crex crex* population
in Kazakhstan. N . N . B E R E Z O V I K O V
- 2143-2144   On breeding of the common snipe
Gallinago gallinago on the Lower Don.
V . S . P E T R O V , V . A . N E C H A E V
- 2144-2145   To study of the postfledging movements
in the yellow wagtail *Motacilla flava*.
A . I . K U K I S H
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Димитру Николову Нанкинову – 70 лет!

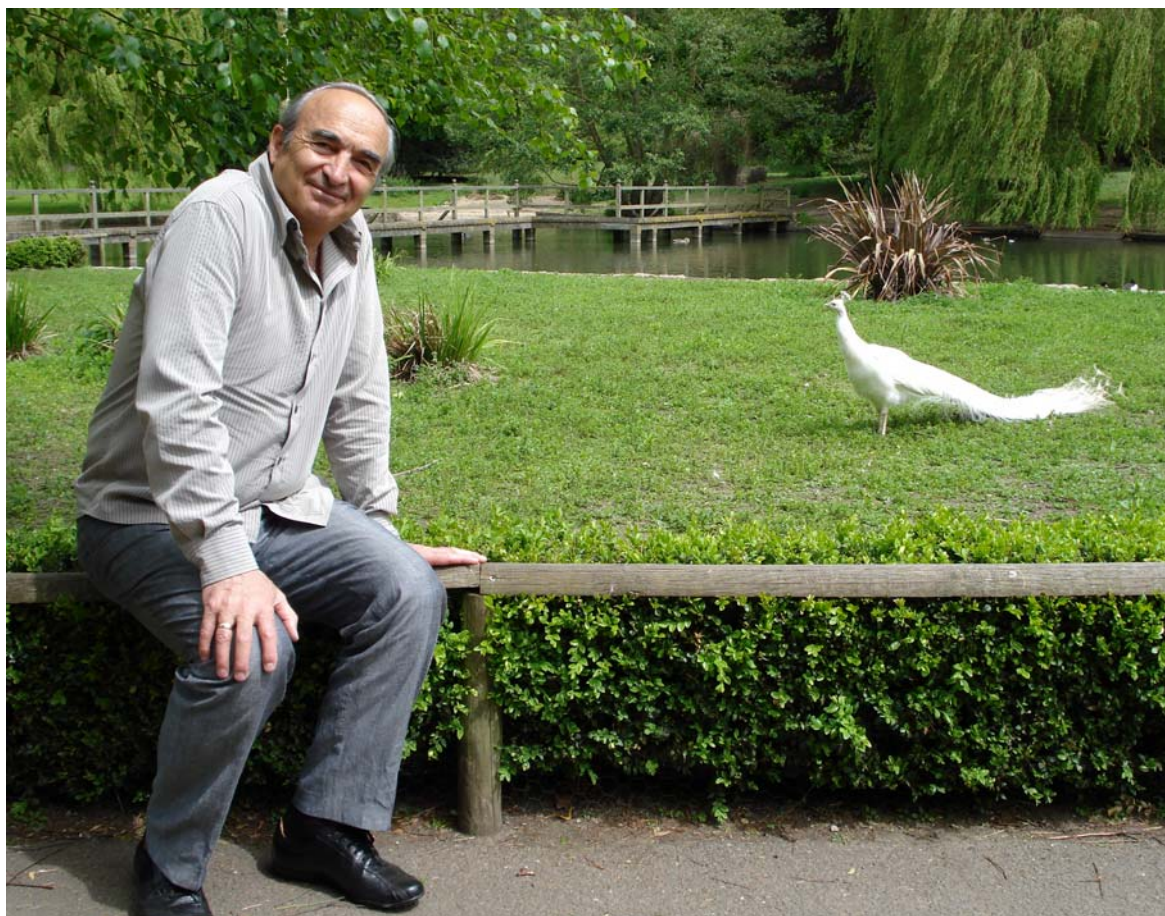
А.В.Бардин

Александр Васильевич Бардин. Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: ornis@mail.ru

Поступила в редакцию 5 сентября 2012

В 2012 году Димитру Николову Нанкинову исполнилось 70 лет!

Заслуженный болгарский орнитолог, автор множества научных трудов о птицах, доктор биологических наук, иностранный член Российской Академии естественных наук, профессор Димитр Николов Нанкинов широко известен не только в Болгарии, но и во многих других странах, прежде всего – в России. Петербургские же орнитологи вообще считают его своим. Ведь он – выпускник Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета, он проходил аспирантуру на кафедре зоологии позвоночных, защищал на Учёном совете биофака свои кандидатскую и докторскую диссертации, даже свою жену Наташу встретил в стенах нашей alma mater.

Димитр Николов Нанкинов. 23 мая 2009.

Димитр Николов Нанкинов родился 5 сентября 1942 года в южной Болгарии в селе Триводици Пловдивской области. Его родители были простыми крестьянами. Мать Калиона Стефановна Разпопова и отец Никола Димитров Нанкинов. По традиции в роду мужские имена чередовались: Никола Димитров, Димитр Николов и т.д. В семье было девять детей, Дима – самый младший. В тяжёлые военные и послевоенные годы всем им – и старшим, и младшим – приходилось и голодать, и помногу работать. Дети с самого раннего возраста приучались к труду. Но родители заботились и о том, чтобы дать своим детям надлежащее образование. Двое в дальнейшем вышли в «учёные люди» – Виолетта стала экономистом, а Дима – учёным-зоологом.

Сначала Дима учился в школе в родном селе, с 5-го по 7-й класс ходил в школу в соседнюю деревню, а завершал среднее образование в гимназии в городе Стамболийски. После школы, с 1960 по 1962 год, служил в болгарской армии. Там он подготовился к вступительным экзаменам в ВУЗ и по окончании воинской службы был принят одновременно в два института: Пловдивский медицинский и Пловдивский природно-математический (ныне Пловдивский университет). Димитр остановил свой выбор на последнем и учился на его биологическом факультете. В первый же год они вместе с тремя студентами создали кружок зоологии и занялись научными исследованиями, в том числе и сбором зоологической коллекции в расположенных рядом Родопских горах. Успели собрать сотни экземпляров, больше всего птиц.

В начале 1965 года, после возвращения из очередной экспедиции зоологического кружка, Димитр узнал об объявленном конкурсе на продолжение образования в Советском Союзе. Не раздумывая, он подал документы на этот конкурс – и выиграл его! И уже в конце августа уехал учиться в Ленинград, на биолого-почвенный факультет нашего университета, где его научным руководителем стал Алексей Сергеевич Мальчевский. Летом 1967 года он с отличием окончил Ленинградский университет и вернулся в Болгарию. По распределению его направили на должность ассистента в Пловдивский университет, но там под надуманным предлогом отказали. Целый год Димитр проработал грузчиком на вокзале. Однако судьба улыбнулась ему вновь: вдруг был объявлен конкурс на поступление в аспирантуру в СССР.

Теперь пробиться было труднее, но Димитр и на этот раз вышел победителем. Осенью 1968 года его зачислили в аспирантуру в Советском Союзе – снова на кафедру зоологии позвоночных Ленинградского университета, снова к любимому профессору А.С.Мальчевскому.

Д.Н.Нанкинов всегда с особой теплотой вспоминает о тех годах, что провёл в Ленинграде. Жил он в университетских студенческих общежитиях на Васильевском острове: в «Четвёрке» на улице Шевченко и «Восьмёрке» на Детской улице. Рядом, между Малым проспектом и

речкой Смоленкой, тянется старое Смоленское кладбище. Оно сразу же стало местом регулярных «ближних» орнитологических экскурсий Нанкинова, и спустя много лет он опубликует большую статью о птицах этого зелёного острова (кстати, она остаётся единственной обстоятельной работой о птицах этого интересного района Петербурга). В этом проявилась характернейшая черта Димитра как орнитолога: где бы он не находился, он обязательно находит возможность вести наблюдения за птицами, их результаты тщательно записывает, бережно хранит материалы, обрабатывает, обобщает и обязательно публикует.

Димитр Нанкинов осенью 1965 года.

Д.Н.Нанкинов любит повторять, что ему в жизни несказанно повезло, потому что он имел возможность учиться в Ленинградском университете, встречаться, работать и дружить с замечательными людьми. Уровень учёбы и науки в ЛГУ в те годы был очень высоким. Общую биологию читал Борис Петрович Токин (ему Димитр сдавал свой первый в СССР экзамен в декабре 1965 года), генетику – Михаил Ефимович Лобашов. На кафедре зоологии позвоночных занятия вели Алексей Сергеевич Мальчевский (научный руководитель Нанкинова), Георгий Александрович Новиков, Лев Исаакович Хозацкий, Олег Владимирович Петров и другие. Вместе с Димой на кафедре специализировались Таня Аксёнова, Эля Михтарьянц, Люся Фирсова, Галя Молодчина и

Лариса Лысенко. Жизнь на кафедре была очень дружной. Пережившие страшную блокаду Ленинграда и воевавшие на фронтах Великой Отечественной войны преподаватели хотели передать студентам как можно больше знаний и душевного тепла. Кроме лекций и лабораторных занятий, на кафедре часто устраивались семинары, обсуждения диссертаций, дипломных и курсовых работ, статей, вместе отмечали новогодние и другие праздники.

Праздничный вечер на кафедре зоологии позвоночных.
Т.Аксёнова, Д.Нанкинов, Э.Михтарьянц, А.Фирсова.
1969 год.

Исследования, послужившие основой для написания дипломной работы и кандидатской диссертации, Д.Н.Нанкинов проводил на базе Биологического научно-исследовательского института Ленинградского университета в Старом Петергофе, в лаборатории экологии наземных позвоночных, которую возглавлял Георгий Александрович Новиков и где работали Павел Константинович Смирнов, Юрий Болеславович Пукинский, Елена Романовна Гагинская, Елена Константиновна Тимофеева, Анна Эрвандовна Айрапетьянц, Игорь Михайлович Фокин. Большое влияние на формирование Нанкинова как орнитолога оказали также учёные Зоологического института АН СССР. К счастью для студентов и аспирантов университета, им традиционно открыт доступ в богатейшую библиотеку этого института – лучшую и самую уютную зоологическую библиотеку нашей страны. Много часов Димитр провёл за журналами и книгами в отделении орнитологии, где хранится литература по этому разделу зоологии, имея возможность общаться с орнитологами, чьи имена уже стали легендой: Елизаветой Владимировной Козловой, Александром Ивановичем Ивановым, Леонидом Александровичем Портенко, Борисом Карловичем Штегманом. С Портенко

Нанкинов переписывался ещё будучи студентом в Пловдиве, а дружба с А.И.Ивановым продолжалась до конца жизни Иванова. При каждом приезде Нанкинова в Ленинград они встречались. Александр Иванович интересовался развитием болгарской орнитологии, помогал советами и часто дарил Димитру книги.

Свои полевые исследования Д.Н.Нанкинов вёл в Сергиевке, в прекрасном старом парке при Биологическом институте. Однако в аспирантские годы ему удавалось выбираться и в более далёкие края. Осенью 1968 года он принимал участие в открытии Ладожской орнитологической станции в Гумбарицах, а весной 1969 года в компании с кафедральными коллегами был в экспедиции в пустыню Каракумы.

Суровой русской зимой. Старый Петергоф, 1970 год.

Кандидатскую диссертацию «Экология птиц Южного берега Финского залива и влияние антропогенного фактора на динамику их численности» Д.Н.Нанкинов защитил в Ленинградском университете в 1971 году. После успешной защиты он вернулся в Болгарию и с января 1972 года начал работать научным сотрудником в Институте зоологии Болгарской Академии наук в Софии.

В ленинградские годы Димитр не только получил прекрасное образование и учёную степень; в эти годы он познакомился и со своей будущей женой Наташей – студенткой славянской кафедры филфака университета. Поженились они в 1971 году. В 1973 году Наталия Нанкинова переехала в Болгарию, где работала в разных софийских издательствах редактором и переводчиком. У них двое детей – дочь Виктория 1974 года рождения и сын Николай (Никола Димитров – традиции соблюдены!), родившийся в 1982 году. А в 2006 году Наталия и Димитр стали бабушкой и дедушкой – у дочери Виктории родилась дочь Изабелла.

В Болгарии Д.Н.Нанкинов начал напряжённую научную, педагогическую и организаторскую деятельность. Его интересы были связаны прежде всего с изучением болгарской фауны, миграций и зимовок птиц на Балканах и развитием в стране кольцевания. В 1975 году он возглавил Болгарский орнитологический центр, в 1976 году провёл Первое совещание болгарских орнитологов, а в последующие десятилетия – ещё десять таких конференций. Наладил связь Центра с более чем 30 странами мира. Создал массовую корреспондентскую сеть при Орнитологическом центре, состоящую из семи сотен человек, ведущих наблюдения за птицами по всей стране.

Д.Н.Нанкинов «в поле». В горах на границе Болгарии и Турции. 7 мая 1998.

С 1977 года Д.Н.Нанкинов начал издавать первый болгарский орнитологический журнал «Орнитологический информационный бюллетень», в котором печатались работы как болгарских, так и иностранных орнитологов. Здесь нельзя не сказать, что наряду с «Орнитологическим вестником», издававшимся Г.И.Поляковым в России в начале XX века, «Орнитологический информационный бюллетень», издаваемый Нанкиновым в Болгарии, был примером при создании «Русского орнитологического журнала», начавшего выходить в 1992 году. Символично, что на обложках обоих журналов изображена ласточка, на болгарском *Hirundo daurica*, на русском – *H. rustica*.

В 1988 году Д.Н.Нанкинов создал и возглавил Школу орнитологии, где на протяжении более двух десятков лет читал лекции и проводил

практические занятия. В этой Школе прошли обучение свыше 300 человек, работающих ныне и в Болгарии, и за её пределами. Все годы своей научной деятельности Нанкинов очень много сил и времени отдавал делу образования и подготовке молодых кадров, распространению знаний и популяризации науки, пропаганде идей охраны природы. Читал лекции в Софийском и Шуменском государственных университетах, а также в Лесотехническом университете (София) и в Институтах подготовки учителей в Софии и Варне.

Димитр Нанкинов среди учеников Школы орнитологии и охраны природы.
София, 30 декабря 1988.

В 1976 году Д.Н.Нанкинов организовал первую болгарскую орнитологическую станцию «Рупите» — самую южную в Европе. Через год, в 1978, он создал вторую орнитологическую станцию — «Атанасовское озеро» в восточной Болгарии. Станции стали важнейшими центрами кольцевания и исследований миграций и зимовок птиц. Огромный материал, собранный Нанкиновым и его коллегами, нашёл, в частности, отражение в многотомнике «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии», написанном по результатам выполнения многолетнего международного проекта с одноимённым названием. Кроме того, Нанкинов участвовал ещё в 54 исследовательских проектах, как национальных, так и международных (в 26 как руководитель), в их числе — «Красная книга Болгарии», «Нормативы регуляции численности и охраны птиц населенных пунктов и их окрестностей», «Национальный план действий по охране биологического разнообразия» и др.

В 1987 году Нанкинову было присвоено звание старшего научного сотрудника, в этот же год он был избран членом Учёного совета Института зоологии Болгарской Академии наук в Софии.

Свою докторскую диссертацию «Миграция и зимовки птиц на Балканском полуострове» Д.Н.Нанкинов защитил в 1994 году в Санкт-Петербургском университете. Его в буквальном смысле титанический труд получил высокую оценку, прозвучавшую в выступлениях оппонентов, членов Учёного совета и в многочисленных отзывах коллег.

Спустя два года он получил звание профессора. В 1995 году избран секретарём Специализированного учёного совета зоологии и экологии Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров Болгарии.

Д.Н.Нанкинов – член редколлегии многотомной монографии «Фауна Болгарии». Болгарский орнитологический центр, Институт зоологии БАН. София, 2 сентября 1998.

В 1999 году профессор Нанкинов был избран председателем Общего собрания учёных – высшего руководящего органа Института зоологии Болгарской Академии наук.

Д.Н.Нанкинов является членом Международного орнитологического комитета и целого ряда других комитетов, редколлегий, экспертных советов и комиссий как в самой Болгарии, так и за рубежом.

В 2006 году Д.Н.Нанкинов был избран иностранным членом Российской академии естественных наук.

Димитр Нанкинов – неперенный участник всевозможные орнитологических, экологических, природоохранных и прочих совещаний, конференций, конгрессов, симпозиумов и пр. в разных странах мира, где он достойно представляет болгарскую науку. На них он прочитал около полутора сотен докладов. С ним знакомы сотни орнитологов по всему миру.

На 15-м совещании ЦК (центров кольцевания) социалистических стран.
Слева направо: А.В.Соколов, В.Б.Зимин, Д.Н.Нанкинов, В.М.Гаврилов.
Октябрь 1989 года.

Несмотря на столь кипучую общественно-научную и организаторскую деятельность, Д.Н.Нанкинов успел удивительно много написать. Число его научных публикаций приближается к 500! Точную цифру называть не имеет смысла, поскольку каждый год появляются всё новые и новые его работы. Они опубликованы в 25 странах мира на 9 языках (больше всего на болгарском, русском, английском и немецком) в 16 болгарских и 60 иностранных журналах. При этом он – член редколлегии ряда научных орнитологических журналов (помимо редактирования «Орнитологического информационного бюллетеня»).

Нанкинов является автором (или соавтором) 20 книг. Среди них: «Птицы города Софии», «Животные Болгарии, находящиеся под угрозой исчезновения», «Красная книга Болгарии», «Фауна Болгарии – Птицы», «Зоологический словарь», «Определитель позвоночных животных Болгарии», «Пластинчатоклювые птицы в окрестностях города Софии», «Чужие для Европы виды птиц», «Древнеболгарские названия птиц», «Систематический список, статус и имена птиц Болгарии», «Исследования по фауне Болгарии», «Каталог болгарской орнитофауны».

Кроме огромного количества научных работ, Д.Н.Нанкинов написал и опубликовал ещё около 300 научно-популярных статей, эссе, репортажей и очерков, посвященных птицам и охране природы.

Димитр Николов Нанкинов. На кафедре зоологии позвоночных
Санкт-Петербургского университета. 12 ноября 2008.

Вся жизнь Димитра Нанкинова – пример бескорыстного служения науке, пример того, как много можно успеть сделать, если неустанно трудиться, постоянно совершенствовать свои знания и оставаться верным однажды выбранному в жизни пути. Но едва ли всё это было бы возможно без огромной любви к своей стране Болгарии, к её удивительной природе, к её людям и птицам.

Твоя родная кафедра гордится тобой, Димитр! Крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых свершений на благо нашего общего дела!

О кормовом поведении кваквы *Nycticorax nycticorax*

А.Г.Резанов

Александр Геннадиевич Резанов. Кафедра биологии животных и растений, Московский городской педагогический ун-т, Институт естественных наук, ул. Чечулина, д. 1, Москва, 119004, Россия.
E-mail: RezanovAG@mail.ru

Поступила в редакцию 14 мая 2012

Кваква *Nycticorax nycticorax*, наряду с выпями *Botaurus* spp., волчками *Ixobrychus* spp., жёлтыми цаплями *Ardeola* spp., зелёными кваквами *Butorides* spp. и некоторыми другими, относится к т.н. жизненной форме коротконогих цапель. Этих цапель отличают некоторые своеобразные кормовые методы, практически не наблюдающиеся у таких длинноногих цапель, как *Ardea* spp. и *Egretta* spp.

Материалом для настоящей публикации, помимо литературных данных, послужили наблюдения автора, сделанные в Азербайджане (Кызыл-Агачский заповедник – январь 1969, 1971, 1975 годов, озеро Сары-су – январь 1972, озеро Акгёль – январь-февраль 1973), в низовьях Дона (июнь 1987), в Запорожской области (июнь 1989) и Венесуэле (Лос-Льянос, август 2011 года).

При разыскивании корма кваквы чаще всего используют подкарауливание (Спангенберг 1951; Скокова 1960; Кокшайский 1966; Cramp, Simmons, 1978; Резанов и др. 1998), во время которого цапли подолгу стоят неподвижно, не меняя позы. Обычно подкарауливание осуществляется с присады. Подкарауливание на суше или мелководье нередко переходит в подкрадывание, во время которого кваква пригибается к земле (или воде) и медленно сближается с добычей (Кокшайский 1966; Резанов и др. 1998). Также во время охоты кваквы могут медленно бродить по мелководью (Спангенберг 1951; Cramp, Simmons 1978; Резанов и др. 1998). Интересно, что Н.Н.Скокова (1960) указывала, что кваквы в воду не заходят, вероятно, подразумевая, что основное время эти цапли проводят на присадах.

Подкарауливание добычи с низких надводных присад очень характерно для кваквы. Так, в низовьях Днестра и Днепра кваквы подкарауливали рыбу, часами высиживая на ловушках, сделанных из плетёного тростника (Шерешевский 1926; Назаренко 1957).

По наблюдениям автора в июне 1987 года в низовьях Дона с борта туристического теплохода, кваквы часто встречались сидящими на корягах над самой водой; вероятнее всего, птицы подкарауливали добычу. В августе 2011 года на разливах в Лос-Льянос (Венесуэла, бассейн

Ориноко, район ранчо Hato El Cedral) охотящиеся кваквы сидели низко над водой на ветвях кустарников и корнях полузатопленных деревьев. Можно предположить, что птицы, находясь на присаде, могли выхватывать добычу из воды или даже ныряли с присады.

Ныряние (пикирование) квакв с присады в воду известно (Брикетти 2004). Для близкого вида, каледонской кваквы *Nycticorax caledonicus*, также описано ныряние в воду с присады (Hobbs 1956).

На зимовке в Кызыл-Агачском заповеднике (Азербайджан) кваквы (отмечались по 1-2; зимой 1971 года – 18 в районе водосброса Аварийного канала) придерживались древесно-кустарниковых насаждений по берегам незамерзающих искусственных проток и каналов (Резанов 1976). Однако и здесь собственно охоту квакв наблюдать не удалось.

Основные наблюдения за кормовым поведением кваквы проведены автором в июне 1989 года в окрестностях села Каменского (Запорожская область Украины). Кваквы (от 2 до 5 особей) кормились на двух мелководных лужах (2-5×60-70 м и 5-10×35 м), оставшихся после весенних разливов и находящихся возле шоссе на открытом такыре с редкой травянистой растительности. Здесь же кормились серые *Ardea cinerea* и малые белые *Egretta garzetta* цапли, а также иногда 3 белых аиста *Ciconia ciconia*.

Кваквы охотились по утрам на мелководных лужах. Из 36 мин хронометража микробиотопического распределения квакв, 12 мин (31.58%) птицы проводили на глубине, равной высоте цевки, 17 мин (44.74%) на глубине от цевки до оперённой части ног, 9 мин (23.68%) – на глубине полной длины ног (т.е. по брюхо в воде). Следует отметить, что никаких присад здесь не было, поэтому кваквы не могли использовать один из самых типичных своих кормовых методов – подкарауливание с присады. Птицы кормились на открытой воде. Добычей им служили встречающаяся в лужах мелкая рыба *Carassius* sp. и лягушки *Rana* sp., что подтверждено прямыми наблюдениями.

Начиная охоту, кваквы заходили с берега на мелководье, иногда по брюхо в воду, и подолгу стояли неподвижно, высматривая добычу. Таким образом, основное время, приходящееся на кормёжку, кваквы затрачивали на высматривание добычи из стационарного положения. Иногда подкарауливание переходило в подкрадывание. После крадущихся шагов кваква застывала, вытянув вперёд шею и касаясь клювом воды, и продолжала высматривать добычу. Однажды подкрадывание перешло в бег по мелководью (прямая атака добычи с дистанции) за обнаруженной добычей. За этой же добычей погналась серая цапля и обогнала коротконогую квакву. Серые цапли не раз проявляли клептопаразитические наклонности по отношению к кваквам.

Помимо подкарауливания и подкарауливания с подкрадыванием, кваквы использовали пешую охоту. Они медленно передвигались по

луже, делая по 5.82 ± 1.25 ($S.D. = 2.98$; $\lim$ 1-16; $P = 0.001$; $n = 62$) шагов между клевками. Иногда они останавливались на 5-55 с и высматривали добычу. Интенсивность кормёжки была 2.87 ± 1.07 ($S.D. = 2.00$; $\lim$ 1-8; $P = 0.001$; $n = 38$) клевков в 1 мин. Эффективность охоты (в расчёте на 1 мин) варьировала от 0 до 100%. В некоторые минуты кваквы делали до 2-3 удачных клевков. Чёткой зависимости эффективности охоты от интенсивности кормёжки не обнаружено (рис. 1).

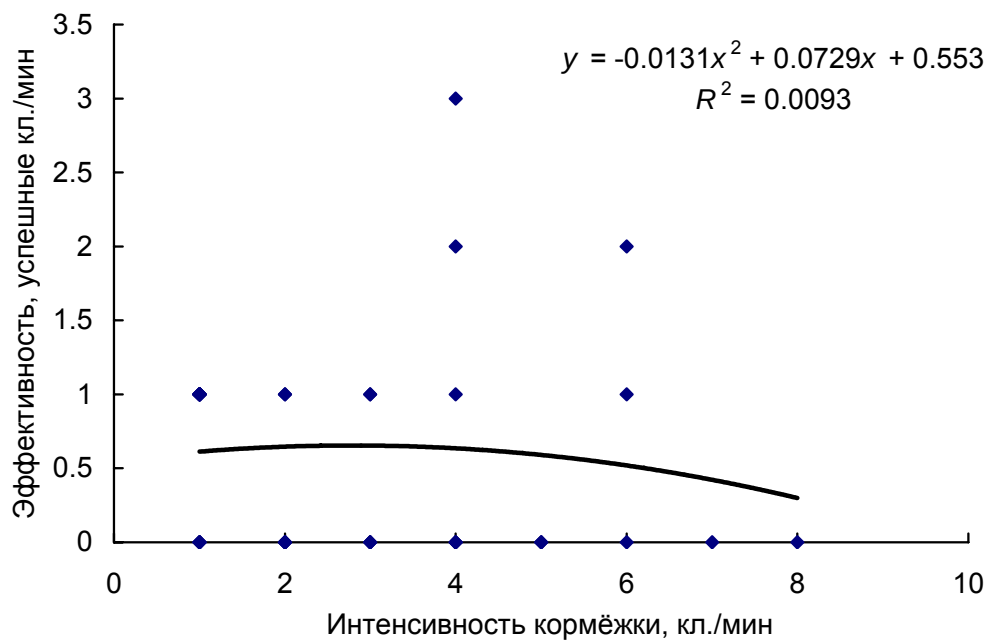

Рис. 1. Зависимость эффективности охоты кваквы от интенсивности кормёжки. Запорожская область, июнь 1989 года. $n = 38$.

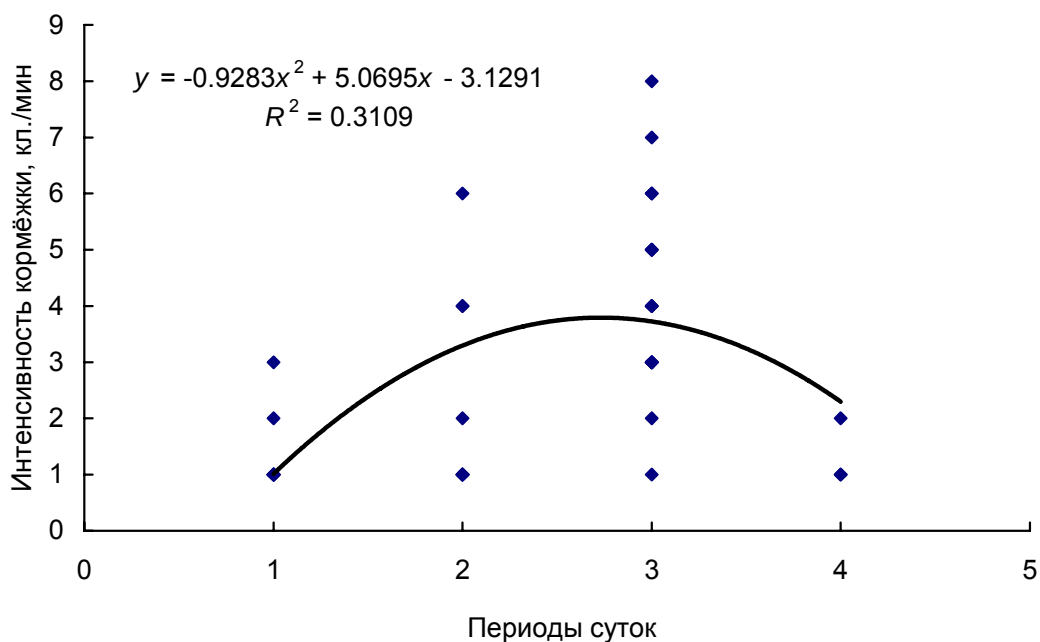

Рис. 2. Зависимость интенсивности кормёжки кваквы от времени суток. Украина. Июнь 1989 года. $n = 38$.

Периоды суток: 1 – 5 ч 20 мин – 6 ч 00 мин; 2 – 6 ч 00 мин – 7 ч 00 мин;
3 – 7 ч 00 мин – 8 ч 00 мин; 4 – 8 ч 00 мин – 8 ч 30 мин.

Добычу (мелкие рыбы, лягушки) кваквы выхватывали из поверхностных слоёв воды, делая стремительный выпад клювом под острым углом к поверхности, в зависимости от глубины нахождения пищевого объекта погружая клюв или даже часть головы в воду.

Наиболее низкая интенсивность кормёжки была в случае удачных клевков, поскольку часть времени (максимум до 12-15 с) птицы затрачивали на манипулирование добычей. Во время манипулирования цапля обычно стояла на месте или делала несколько шагов (до 5), держа добычу в клюве. Выявлена определённая зависимость интенсивности кормёжки от времени суток (рис. 2): с 5 ч 20 мин до 8 ч интенсивность кормёжки росла, а затем её уровень снижался, и вскоре кваквы улетали. Видимо, к этому времени они уже были сыты. Вечером, вопреки традиционным представлениям о характере активности квакв, они не прилетали кормиться на лужи.

Данные о суточной активности квакв весьма противоречивы. Так, в дельте Волги большинство квакв кормилась по ночам, хотя часть птиц вылетала на кормёжку по утрам (Скокова 1960). По свидетельству А.Т.Ромашовой (1940), при выкармливании птенцов кваквы переходят на дневное питание. В Северной Италии кваквы кормились, в основном, по утрам (Fasola 1984). Согласно сводке «Птицы Западной Палеарктики» (Cramp, Simmons 1978), для кваквы характерна ночная и сумеречная кормовая активность. На ночную активность квакв указывал и А.Я.Тугаринов (1947). По данным И.Т.Русева (1984), кваквы, зимующие в дельте Днестра, ведут ночной образ жизни, вылетая на кормёжку с заходом солнца. Основная масса квакв кормилась рыбой на зимовальных прудах рыбхозного хозяйства, а некоторые охотились в поле на мышевидных грызунов.

По моим наблюдениям (Резанов 1976), в январе 1972 года на озере Сары-су, большое скопление квакв (около 500 ad) весь день проводило в тугаях реки Куры на участке площадью 1-2 га. Птицы отдыхали на огромных тополях *Populus alba* или сидели рядом в глубоком снегу и только при наступлении темноты улетали к реке. Зима была морозной, и температура воздуха опускалась до минус 16-20°C, но Кура не замерзала. Отдельные кваквы держались у озера в зарослях тростника в местах пороев кабана *Sus scrofa*, на которых они, видимо, кормились. Зимой 1973 года на берегах озера Акгёль кваквы (около 50 sad) весь день проводили, сидя на деревьях по берегам узкой протоки, а также днём вылетали охотиться в заснеженную степь, где добывали мышевидных грызунов (Резанов 1976); к сожалению, собственно поведение птиц при добывании грызунов не прослежено. Вероятнее всего, цапли использовали подкарауливание около нор.

Очевидно, что нельзя однозначно оценить характер суточной активности этого вида. Суточные ритмы кормёжки квакв, по-видимому,

определяются конкретными условиями среды, в том числе и особенностями кормовой базы.

Эффективность охоты кваквы, по наблюдениям на Украине, прослежена относительно крупных пищевых объектов – рыб и лягушек и составила 21.3% ($n = 108$). В некоторые минуты цапли добывали до 3 экземпляров рыб и лягушек (100% успешность охоты). В отдельные отрезки времени ($n = 28$) успешность охоты достигала 67.9%. Размеры добываемых цаплями рыб и лягушек были определены относительно длины клюва квакв. Преобладала (66.6%) добыча длиной в клюв цапли и больше. Вид добычи определён для 15 удачных клевков: в 14 случаях (66.6%) была схвачена рыба, в 1 случае – лягушка.

В качестве редких кормовых методов для квакв отмечено «зависание» над водой и ныряние (Meyerriecks 1960), а также добывание рыбы на плаву (Allsopp 1965; Dean 1975); в последнем случае, вероятнее всего, имеется в виду разыскивание рыбы во время поискового полёта, с последующей посадкой на воду. 19 мая 2001 в Виржинии кваква использовала вибрирование половинками клюва, погружённого в воду, для привлечения рыбы (Davis 2004). Известна охота кваквы с приманкой (Riehl 2001). 6 марта 2002 во Флориде зафиксирован необычный кормовой метод у желтоголовой кваквы *Nyctanassa violacea* (Hutchison *et al.* 2003). Цапля находилась по брюхо в воде и быстро покачивала телом из стороны в сторону. При этом её шея была вытянута над водой. Предположительная функция «погружения и покачивания» (submerge and sway) – выпугивание лягушек. Для обыкновенной кваквы подобное поведение не известно. В дельте Волги кваквы регулярно вступают в кормовую ассоциацию с хищными рыбами, например, с жерехом *Aspius aspius* (Jozefik 1961).

Анализ литературы и данных собственных наблюдений показывает, что кваква в пределах своего ареала использует следующие кормовые методы (методы 1-6 и 13 отмечены автором):

1. Подкарауливание добычи, находясь на урезе «земля-вода».
2. Подкарауливание на мелководье.
3. Подкарауливание на урезе и подкрадывание по мелководью.
4. Подкарауливание на мелководье и подкрадывание.
5. Подкарауливание и преследование добычи бегом по мелководью.
6. Подкарауливание с присады над водой и схватывание добычи без ныряния.
7. Подкарауливание и ныряние с присады.
8. Привлечение добычи при помощи вибрирования клювом, погружённым в воду.
9. Кормовая ассоциация с хищными рыбами.
10. «Зависание» над водой и ныряние.
11. Охота на плаву.

12. Охоты с приманкой, бросаемой в воду.

13. Наземная охота («пешая охота»); вероятно, с элементами подкарауливания.

14. Предположительно – кормёжка зимой на порогах кабана.

Из приведённого перечня кормовых методов, используемых кваквой, видно, что наряду с традиционными способами охоты, характерными для вида в целом (№№ 1-6, возможно, 7 и 13), в кормовом репертуаре кваквы представлены также локально распространённые способы разыскивания и добывания корма (№№ 8-12, возможно, 14).

Литература

- Брикетти П. 2004. *Птицы: Справочник*. М.: 1-319.
- Кокшайский Н.В. 1966. Морфология и поведение (на примере пищедобывательной активности цапель) // *Механизмы полёта и ориентации птиц*. М.: 169-223.
- Михеев А.В., Орлов В.И., Резанов А.Г. 1976. Зимовки аистообразных в низменном Азербайджане // *Фауна и экология позвоночных животных*. М.: 3-21.
- Назаренко Л.Ф. 1957. Колониально гнездящиеся птицы низовьев Днестра, их распространение, особенности экологии и практическое значение // *Тр. 2-й Прибалт. орнитол. конф.* М.: 361-366.
- Резанов А.Г. 1976. Зимовка кваквы в Азербайджане // *Фауна и экология животных*. М., 2: 212-219.
- Резанов А.Г., Кошелев А.И., Фурманова В.П. 1998. Кормодобывательная активность и поведение цапель в Северном Приазовье // *Исследования многообразия животного мира*. Одесса: 96-102.
- Ромашова А.Т. 1940. Биоценотические взаимоотношения в гнездовых колониях цаплевых Астраханского заповедника // *Тр. Астраханского заповедника* 3: 155-189.
- Русев И.Т. 1984. Зимовка кваквы в дельте Днестра // *Орнитология* 19: 185-186.
- Скокова Н.Н. 1960. Пищевые отношения птиц, гнездящихся колониями в древесных зарослях дельты Волги // *Тр. проблемн. и темат. совещ. Зоол. ин-та АН СССР* 9: 205-215
- Спангенберг Е.П. 1951. Отряд голенастые птицы Gressores или Ciconiiformes // *Птицы Советского Союза*. М., 2: 350-475.
- Тугаринов А.Я. 1947. Отряд Ciconiiformes – Аистообразные // *Фауна СССР. Птицы*. 1, 3: 188-284.
- Шерешевский Э.И. 1926. Птицы плавень Днепра // *Укр. охотник и рыболов* 4, 6: 48-49.
- Allsopp E., Allsopp K. 1965. Night Herons swimming // *Brit. Birds* 58, 7: 297.
- Cramp S., Simmons K.E.L. 1978. *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa. The Birds of the Western Palearctic. Vol.I. Ostrich to Ducks*. Oxford Univ. Press.: 1- 22.
- Davis W.E. Jr. 2004. Black-Crowned Night-Heron vibrates bill in water to attract fish // *Southeastern Naturalist* 3, 1: 127-128.
- Dean A.R. 1975. Night Herons fishing in deep water // *Brit. Birds* 68, 9: 384.
- Hobbs J.N. 1956. Night-heron's feeding habits // *Emu* 56, 1: 61.
- Hutchison V.H., Lazell J., Javitch R. 2003. Body sway foraging by a Yellow-crowned Night-Heron // *Wilson Bull.* 115, 3: 348-350.

- Meyerriecks A.J. 1960. Comparative breeding behavior of four species of North American herons // *Publ. Nuttall Ornithol. Club* 2: 1-158.
- Riehl C. 2001. Black-crowned Night Heron fishes with bait // *Waterbirds* 24, 2: 285-286.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 791: 2137-2138

Случаи гнездования иволги *Oriolus oriolus* и серой мухоловки *Muscicapa striata* в Карагандинской области

Е.А.Степанов

Второе издание. Первая публикация в 1987*

Наблюдения велись в 50 км юго-западнее Караганды в саду на берегу озера Сасыкколь с осени 1969 года по 1984 год. Одиночный самец иволги *Oriolus oriolus* впервые отмечен 2 июля 1971. До 1976 года весной появлялись только одиночные самцы. С 1977 года прилетало уже несколько птиц, в том числе и самок, но всегда первыми появлялись самцы (с 8 по 23 мая). В этот же период первые самцы отмечены и в парках Караганды весной 1964 и 1968 годов. В 1983 году в саду впервые обнаружены два гнезда иволги. Однако присутствия птенцов не отмечено. В 1984 году одно гнездо найдено 22 июня, второе – 12 июля. Во всех случаях гнёзда располагались в ветрозащитных лесополосах в развилках ветвей крупных тополей на высоте 3.5-5 м. 15 июля 1984 утром на краю второго гнезда сидел слётки иволги. До 8 августа молодые и взрослые птицы держались в кронах деревьев ветрозащитных аллей сада. В парке Караганды в 1968 году последняя иволга отмечена 25 сентября.

Залёт двух серых мухоловок *Muscicapa striata* в сад впервые отмечен 14 мая 1977. Впоследствии в саду мухоловки держались ежегодно поодиночке, только в 1978 и 1984 годах – по несколько птиц. В 1981 году они отсутствовали вовсе. Первые птицы появляются в различные годы в саду с 12 по 27 мая. В 1968 году в городском парке Балхаша серые мухоловки отмечены уже 16 мая, а в парках Карагандинского ботанического сада – 18 мая. В 1969 году в посёлке Айнабулак Джезказганской области одиночная птица зафиксирована 22 мая. В 1984 году в

---

* Степанов Е.А. 1987. Случаи гнездования иволги и серой мухоловки в Карагандинской области // *Орнитология* 22:196.

саду появились две серых мухоловки. 9 июля в развилке ствола карагача на высоте 1.5 м замечено их гнездо с 4 оперяющимися птенцами и яйцом-болтуном (17.8×13.0 мм). Самка часто сидела на гнезде, и оба родителя приносили птенцам корм. 17 июля 4 слётка покинули гнездо. Первые два дня они держались в кронах деревьев над гнездом. До 8 августа цикающий голос молодых мухоловок слышался в различных участках сада. В 1977 году две серых мухоловки постоянно держались в саду до 4 сентября.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 791: 2138-2142

Депрессия численности коростеля *Crex crex* в Казахстане

Н.Н.Березовиков

Второе издание. Первая публикация в 2007*

Включение коростеля *Crex crex* европейскими учёными в Красный список IUCN как близкого к глобально угрожаемому виду (ТЕ) в своё время было полной неожиданностью для казахстанских орнитологов, так как традиционно считалось, что у нас это достаточно обычная птица. Однако, как это нередко бывает, мы своевременно не заметили начало изменений численности этого вида и теперь приходится констатировать это на основании имеющихся публикаций и собственных многолетних наблюдений на отдельных территориях.

Действительно, в первой половине XX столетия коростель был обычен в ряде мест в западных, северных и северо-восточных регионах Казахстана, преимущественно в поймах рек и в зоне колковой лесостепи. Однако в центральной части Казахстана, в области Казахского мелкосопочника, уже встречался крайне спорадично. Считался обычной птицей в горно-таёжной части Юго-Западного Алтая, в Калбе, Саур-Тарбагатае, Джунгарском Алатау и Северном Тянь-Шане (Долгушин 1960). Однако в междуречье Волги и Урала основная масса встреч с коростелем приходится на 1950-е годы, более поздних встреч не приводится (Шевченко и др. 1993). В междуречье Утвы и Илека в 1989-1991 годах коростель встречен лишь трижды, но только во время миграций – в мае, августе и сентябре (Березовиков и др. 2000). В июне

---

* Березовиков Н.Н. 2007. Депрессия численности коростеля в Казахстане
// Каз. орнитол. бюл. 2007: 144-147.

2003 года в Мугоджарах и в долине верхней Эмбы коростель отмечен только в одной точке (Ковшарь, Давыгора 2004), однако в июне 2006 года во время обследования Урало-Эмбинского междуречья в долинах Темира, Сагиза, Уила и Большой Хобды он вообще не был встречен (Ковшарь и др. 2006).

В Кустанайской области до 1960-х годов коростель отмечался как гнездящийся вид Наурзумского заповедника, однако позднее эпизодически регистрировался только во время осеннего пролёта (Брагин, Брагина 2002). Во время учётов водоплавающих и околоводных птиц на водоёмах Кустанайской области в 1997-2006 годах коростель вообще не наблюдался. На Кокчетавской возвышенности в июне-августе 2002 крик коростеля отмечен только в одной точке – на лугах у реки Сага (Хроков и др. 2004), что свидетельствует о его исключительной редкости в этих местах. Южнее, между посёлками Шортанды и Алексеевка (Акколь), летом 2000 и 2002 годов во всех подходящих местах коростель вообще не был обнаружен (Березовиков, Коваленко 2001).

На востоке Казахстана в 1920-х годах коростель был обычен в окрестностях Семипалатинска (Хахлов, Селевин 1930), в 1939 году – в пойме Иртыша между Семипалатинском, Павлодаром и Иртышском (Долгушин 2004), однако в 1989 году при обследовании Павлодарского Прииртышья совершенно не встречался (Ковшарь, Хроков 1993). Не наблюдался он в районе павлодарских и семипалатинских сосновых боров в мае 2005 года (Карпов и др. 2006). В долине Иртыша между Семипалатинском и Усть-Каменогорском, включая горно-таёжную часть Западного Алтая и район сосновых боров Калбы, коростель был уже редок в 1960-1970 годах (Березовиков и др. 2000; Егоров и др. 2001; Щербаков 2004; Щербаков, Березовиков 2005).

В 1960-1970 годах коростель был обычен в большинстве мест Бухтармы, Хамира и Тургусуна (Лухтанов, Березовиков 2003), однако в последнем десятилетии услышать голос этой птицы здесь стало большой редкостью – 1-3 раза за лето. В среднем и верхнем течении Бухтармы и прилежащих хребтах Южного и Центрального Алтая в пределах Катон-Карагайского национального парка в последние годы численность коростеля также сильно сократилась, и только в 2004-2005 годах он был сравнительно обычным на сенокосных лугах в некоторых урочищах южного макросклона хребта Листвяга (Старикив 2006).

Произошло изменение численности коростеля и в котловине озера Маркаколь, где в 1978-1986 годах он был обычной птицей, а многочисленные голоса коростелей были одной из достопримечательностей лугов и болот (Березовиков 1989). Бесконечный «скрип» коростелей, перемежающийся со звонким «боем» перепелов *Coturnix coturnix* и мелодичным пением дубровников *Emberiza aureola* – одна из ярких и запоминающихся картин рассветов и закатов на маркакольском побе-

режье тех лет! Каково же было моё удивление, когда побывав в этих местах в июле 2001 года, на лугах, болотах и в лесных ущельях, где в прежние годы «дергач» был весьма обычен, за время экскурсий удалось услышать голоса только двух коростелей! Т.Н.Дуйсебаева, экскурсировавшая на озере Маркаколь с 16 июня по 16 июля 2007, зарегистрировала по крикам только 8 самцов коростеля в 5 пунктах.

В горных степях Тарбагатай и Манрака в 2000-2004 годах коростель практически не встречался, однако на северных склонах Джунгарского Алатау по горным лугам в междуречье Жаманты, Тентека и Лепсы в эти же годы его регистрировали в нескольких местах, но и здесь он всюду спорадичен и в общем-то редок. Более благополучной, на первый взгляд, ситуация выглядит в лесной зоне Заилийского и Кунгей Алатау, а также на горных лугах Кегена, Каркары и Текеса, но и здесь коростель распространен отдельными очагами, преимущественно в поясе ельников в отдельных ущельях, на лесных и субальпийских лугах, в основном на высотах 1700-2700 м над уровнем моря. Однако по свидетельству орнитологов старшего поколения, в 1950-1970-х годах коростель был действительно обычен и даже многочислен на лесных склонах Заилийского Алатау, включая «прилавки» и окраины Алма-Аты. Сейчас его численность сократилась в несколько раз. Так, если ранее в Алматинском заповеднике на каждые 0.1-0.3 га лугов отмечалось 3-5 токующих самцов, то в последние 5 лет такое же количество фиксируется на 1.0-1.5 га (Джаныспаев 2006). В долинах Каркары и Кегена в 1996-2002 годах лишь в некоторых местах регистрировали по 1-2 самца на 1 км² (Березовиков и др. 2005).

Таким образом, в лесостепной, степной и пустынной зонах Казахстана коростель в 1950-х годах был ещё обычен, а в 1960-1970-х годах почти исчез и все встречи с ним в гнездовое время теперь в лучшем случае единичны. Небольшие очаги обитания коростеля сейчас сохранились главным образом в горно-лесной части Юго-Восточного и Восточного Казахстана, включая казахстанский Алтай, Саур, Джунгарский Алатау, Терскей, Кунгей и Заилийский Алатау. Резкое сокращение численности коростеля в этих районах произошло в 1990-е годы.

Что же произошло с коростелем, остаётся только предполагать. Если для степной и лесостепной зон в 1950-1970-х годах вполне объяснимой причиной исчезновения является утрата местообитаний в результате масштабного освоения целинных земель с губительной химизацией, интенсивным выпасом скота, осушением болот, то снижение численности в горных лесах в последние полтора-два десятилетия может быть связано с гибелью птиц в местах зимовок. Возможно, это связано и с уменьшением степени увлажнённости местообитаний в результате прогрессирующей аридизации. Известно, что коростель исчезает из засушливых мест, поэтому в последнее время основные места его оби-

тания приурочены к лугам и болотам лесной зоны. Дополнительным лимитирующим фактором являются пожары, часто возникавшие в последние два десятилетия. Во время поездок в Восточном Казахстане, особенно на Южном Алтае и Калбинском нагорье, я обратил внимание, что большинство встреч с коростелем сейчас чётко локализовано в сырых осоковых лугах с обязательным присутствием алтайской купальницы или чемерицы, являющихся индикаторами повышенной увлажнённости.

В северной части ареала численность коростеля пока достаточно высока во многих лесных регионах России, однако серьёзные изменения в сельском хозяйстве могут произойти уже в ближайшие годы, поэтому мониторинг коростеля очень актуален. Своевременно полученные данные о начале снижения численности помогут принять превентивные меры по охране этой птицы (Мищенко 2002). Союз охраны птиц России уже в 2002 году включился в международный проект по мониторингу коростеля в европейской части России, в котором приняли участие 28 человек в 15 субъектах Федерации (Мищенко 2002).

Основой мониторинга являются ежегодные двукратные ночные учёты кричащих самцов коростеля в характерных местах его обитания методом квадратов и пеленгации. Это достаточно простые учёты, которые может выполнить любой любитель птиц.

В связи с этим хочу обратиться к казахстанским орнитологам, особенно помногу лет работающих стационарно на отдельных территориях, поделиться на страницах «Казахстанского орнитологического бюллетеня» своими наблюдениями за этим видом. Интересны данные не только о встречаемости коростеля за последние 20-30 лет, но и вообще о его наличии в конкретных местностях, где он прежде обитал.

Л и т е р а т у р а

- Березовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины (Южный Алтай)*. Алма-Ата: 1-200.
- Березовиков Н.Н., Винокуров А.А., Беялов О.В. (2005) 2008. Птицы горных долин Центрального и Северного Тянь-Шаня // *Рус. орнитол. журн.* **17** (395): 35-57, (396): 67-93, (397): 99-122, (398): 135-149, (399): 163-190, (400): 203-223, (401): 235-265.
- Березовиков Н.Н., Коваленко А.В. 2001. Птицы степных и сельскохозяйственных ландшафтов окрестностей посёлка Шортанды // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 20-40.
- Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В. 2000. Материалы к орнитофауне поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 1. Podicipitiformes, Pelecaniformes, Ciconiiformes, Anseriformes, Gruiformes, Charadriiformes, Galliformes, Pterocletiformes // *Рус. орнитол. журн.* **9** (92): 3-22.
- Березовиков Н.Н., Хроков В.В., Карпов Ф.Ф., Коваленко А.В. 2000. Птицы Утва-Илекского междуречья. II. Ciconiiformes, Gruiformes, Galliformes // *Рус. орнитол. журн.* **9** (121): 3-10.

- Брагин Е.А., Брагина Т.М. 2002. *Фауна Наурзумского заповедника*. Костанай: 1-56.
- Долгушин И.А. 1960. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 1: 1-469.
- Долгушин И.А. 2004. Орнитологические наблюдения в Павлодарской области летом 1939 г. // *Тр. Ин-та зоологии МОН РК* 48: 38-84.
- Джаныспаев А.Д. 2006. Об изменениях в составе орнитофауны Алматинского заповедника // *Сохранение биоразнообразия экосистем горных территорий Казахстана*. Алматы: 122-125.
- Егоров В.А., Самусев И.Ф., Березовиков Н.Н. 2001. Околоводные птицы Калбинского нагорья (Восточный Казахстан) // *Рус. орнитол. журн.* 10 (165): 935-951.
- Карпов Ф.Ф., Левин А.С., Карякин И.В., Барабашин Т.О. 2005. Некоторые результаты поездки в степные боры Казахстана в 2005 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2005: 45-51.
- Ковшарь А.Ф., Давыгора А.В. 2003. К авифауне Мугоджар и верхней Эмбы // *Selevinia*: 73-97.
- Ковшарь А.Ф., Давыгора А.В., Карпов Ф.Ф. 2006. Орнитологические наблюдения в Урало-Эмбинском междуречье (Темир, Сагиз, Уил, Б. Хобда) в июне 2006 // *Selevinia*: 63-81.
- Ковшарь А.Ф., Хроков В.В. 1993. К фауне птиц Павлодарского Прииртышья // *Фауна и биология птиц Казахстана*. Алматы: 133-144.
- Лухтанов А.Г., Березовиков Н.Н. 2003. Материалы к орнитофауне Бухтарминской долины (Юго-Западный Алтай) // *Рус. орнитол. журн.* 12 (239): 1130-1146.
- Мищенко А. 2002. Проект «Мониторинг коростеля в Европейской России» // *Мир птиц: Информ. бюл. Союза охраны птиц России* 3 (24): 7.
- Стариков С.В. 2006. Аннотированный список птиц Катон-Карагайского национального парка и прилегающих территорий // *Тр. Катон-Карагайского национального парка* 1: 147-241.
- Хахлов В.А., Селевин В.А. 1928. Список птиц окрестностей Семипалатинска // *Uragus* 2: 1-34.
- Хроков В.В., Карпов Ф.Ф., Беседин Е.В. 2004. Летняя орнитофауна Кокчетавской возвышенности (Северный Казахстан) // *Тр. Ин-та зоологии МОН РК* 48: 151-170.
- Шевченко В.Л., Дебело П.В., Гаврилов Э.И., Федосенко А.К. 1993. Об орнитофауне Волжско-Уральского междуречья // *Фауна и биология птиц Казахстана*. Алматы: 7-103.
- Щербаков Б.В. 2003. Коростель на Западном Алтае // *Каз. орнитол. бюл.* 2003: 169.
- Щербаков Б.В., Березовиков Н.Н. 2005. Птицы Западно-Алтайского заповедника // *Рус. орнитол. журн.* 14 (290): 507-536.

О гнездовании бекаса *Gallinago gallinago* на Нижнем Дону

В.С.Петров, В.А.Нечаев

Второе издание. Первая публикация в 1987*

По сообщению Г.Сарандинаки (1908), орнитолог-любитель Г.А.Корнелио встречал бекасов *Gallinago gallinago* в дельте Дона у села Кагальник в течение всего лета и поэтому был «почти уверен» в том, что они там гнездятся. Сам же Г.Сарандинаки видел бекасов в окрестностях села Маргаритово (Азовский район, Ростовская область) с 25 апреля по 3 мая, 17-20 июля и с 28 июля по 15 сентября 1906. Наличие перерыва в летних встречах дало ему основание предполагать, что 17-20 июля он видел бекасов «местного вывода», а с 28 июля – пролётных. С.Н.Алфераки (1910) лишь слышал, что местами бекас гнезвился по речкам Сарматской, Бирючьей и Самбеку, но «ничего достоверного» узнать ему об этом не удалось. А.В.Лерхе (1940), в течение 20 лет регулярно совершавший экскурсии в низовья Дона и Маныча, не нашёл подтверждения слухам о гнездовании бекаса. Правда, старых бекасов он всё-таки встречал в начале июня.

В течение последнего десятилетия в некоторые годы бекас отмечался в окрестностях станицы Нижнекундрюченской Усть-Донецкого района Ростовской области. Здесь мы встречали его с третьей декады марта до начала второй декады октября. Токование бекасов наблюдалось в период с 26 марта (1981) до 17 апреля (1982) в урочищах Длинное, Круглое и других местах.

2 июня 1977 мы обнаружили здесь гнездо с 4 свежими яйцами, вблизи которого держались два бекаса. Второе гнездо, тоже с 4 яйцами, найдено 2 мая 1983. Птенцы в нём вылупились 18 мая. Ещё одно гнездо с только что вылупившимися 4 птенцами нашли 25 мая 1982.

Следовательно, в настоящее время южную границу гнездовой области бекаса в нижнем Подонье можно проводить через станицу Нижнекундрюченскую, находящуюся в 20 км к северу от места впадения Северского Донца в Дон. Видимо, бекас гнезвился здесь и прежде.

Литература

- Алфераки С.Н. 1910. Птицы Восточного Приазовья // *Орнитол. вестн.* 1: 11-35, 2: 73-93, 3: 162-170, 4: 245-252.
Лерхе А.В. 1940. Птицы // *Природа Ростовской области*. Ростов-на-Дону: 257-280.

---

* Петров В.С., Нечаев В.А. 1987. О гнездовании бекаса в нижнем Подонье // *Орнитология* 22: 190-191.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 791: 2144-2145

К изучению послегнездовых перемещений у первогодков жёлтой трясогузки *Motacilla flava*

А.И. Кукиш

Второе издание. Первая публикация в 1975*

Работа проводилась в 1969-1974 годах на небольшой открытой территории юго-восточного берега Ладожского озера в урочище Гумбарыцы. Местное население жёлтых трясогузок *Motacilla flava*, состоявшее ежегодно из 15-20 гнездящихся пар, экологически было изолировано. Ближайшие поселения жёлтых трясогузок, располагавшиеся, как правило, в поймах рек, впадающих в Ладожское озеро (Свирь, Обжа), были отделены лесными массивами шириной в 15-20 км. Такие условия позволяли проследить за послегнездовой жизнью молодняка местного происхождения.

В то же время в период осенних перелётов, берег Ладожского озера для жёлтых трясогузок, как и для многих воробьиных птиц, являлся направляющей линией, вдоль которой образовывался поток мигрантов. Это давало возможность наблюдать и производить массовое мечение птиц из других мест.

По нашим наблюдениям, птенцы жёлтой трясогузки из ранних выводков покидали гнёзда 14-20 июня. Массовый вылет молодняка происходил в последнюю декаду июня. С появлением у молодых птиц лётных способностей, выводки вместе с родителями уходили с гнездовой территории и концентрировались в береговых зарослях ивы. Смена стаций у выводков происходила через 5-10 дней после оставления гнезда. Продолжительность этого периода определялась преимущественно возрастом птенцов, покидавших гнёзда. После распада выводков молодые трясогузки мигрировали в прибрежной полосе озера.

При непосредственном наблюдении за отдельными особями, окольцованными ещё в гнёздах, был отмечен разлёт молодняка на расстояние до 3 км от места расположения гнезда. Очевидно, послегнездовые

---

* Кукиш А.И. 1975. К изучению послегнездовых перемещений у первогодков жёлтой трясогузки // *Материалы Всесоюз. конф. по миграциям птиц*. М., 1: 125-127.

перемещения жёлтых трясогузок могут происходить и на более далёкие расстояния, т.к. численность молодых птиц на контролируемой территории в послегнездовой период была значительно выше естественного прироста местного населения.

Принимая во внимание тот факт, что число гнездящихся жёлтых трясогузок на обследуемой территории не превышало ежегодно 20 пар, а отход яиц и гибель птенцов в гнёздах составляли 40-60% от общего числа отложенных яиц, количество первогодков местного происхождения было не более 70 особей. Сравнивая эту величину с данными отловов трясогузок ловушками и паутинными сетями в июле, становится очевидным, что состав населения изменялся за счет притока молодых птиц из других мест. Так, в июле 1969 года было поймано 49 молодых жёлтых трясогузок, 1970 – 108; 1971 – 46; 1972 – 58; 1973 – 48; 1974 – 55 особей. В свою очередь, в период осенней миграции в эти же годы (без 1971 г.) было отловлено: в 1969 году – 139; 1970 – 29; 1972 – 41; 1973 – 85; 1974 – 80 особей, т.е. в послегнездовой период отлавливалось примерно столько же жёлтых трясогузок, сколько на осеннем пролёте.

О степени подвижности молодняка жёлтых трясогузок можно судить также по числу повторных отловов их на месте кольцевания.

В течение четырёх сезонов размножения было помечено более 100 особей. Благополучно покинули гнёзда 80 птенцов (1970 – 17, 1971 – 24, 1973 – 16, 1974 – 23). Из них 11 были повторно пойманы на гнездовой территории с помощью ловушек и паутинных сетей. Четыре птицы – через 12 дней после вылета из гнезда, а остальные в третьей декаде июля и первой половине августа. Из 364 молодых трясогузок неизвестного происхождения, окольцованных в июне-июле 1969-1974 годов, на месте кольцевания были пойманы вторично 23 птицы. Две трети повторных отловов были зафиксированы в последней декаде июля и первой половине августа. Следовательно, бóльшая часть вторичных поимок имела место с 20 июля по 15 августа.

Таким образом, послегнездовые перемещения жёлтых трясогузок идут в разных направлениях, в том числе и обратном осенней миграции, что и обусловило повторную поимку некоторых особей в предмиграционный и миграционный периоды. Не исключено также, что часть особей (меньшая) не совершает значительных перемещений и держится в пределах гнездовой территории до начала осенней миграции.

